

VII

ДУША НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Как-то, сидя вместе с Панаевым у Белинского (это было в начале 1845 года), Некрасов прочитал своим друзьям только что написанные печальные стихи о том, как "господа" загубили крестьянскую девушку: ее воспитали в барском доме вместе с барышней, сделали из нее "белоручку" и "белоличку", а потом отослали в деревню и выдали замуж за темного, хотя и доброго, крестьянского парня-ямщика. Когда были прочитаны последние строчки, где ямщик говорит:

... Видит бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить - так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...

- Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!.. -

у Белинского, как вспоминает Панаев, засверкали глаза, он бросился к Некрасову, обнял его и чуть ли не со слезами на глазах сказал слова, которые теперь известны каждому школьнику:

- Да, знаете ли вы, что вы поэт - и поэт истинный?

Такая похвала из уст человека, известного своей суровой требовательностью, помогла Некрасову окончательно поверить в свои силы. Тем более, что вскоре Белинский печатно подтвердил лестное для автора мнение о стихотворении "В дороге" (после того как оно было опубликовано). "Это не стишки к деве и луне; в них много умного, дельного и современного", - писал критик.

В некрасовском рассказе ямщика уже первые его слушатели уловили глубокий социальный смысл. Да, это было первое антикрепостническое стихотворение Некрасова, громко сказавшего о горе народном, о тяжелой жизни темной, замученной деревни. Слова ямщика: "погубили ее господа" - прозвучали неожиданно смело. Да и весь строй его рассказа, бесхитростного и сурового, был необычен для тогдашней поэзии.

Песни и романсы о ямщиках и тройках были и до Некрасова, но его стихи на эту тему оказались свободны от романтических штампов, от традиционного воспевания ямщицкой бесшабашной удалы.

И другие стихи Некрасова середины 40-х годов с сочувствием, даже с восторгом, были встречены Белинским и его друзьями. Тургенев, Герцен, Огарев, Панаев ощутили в Некрасове могучую силу. Чуть ли не каждое его стихотворение становилось своего рода событием в жизни кружка - его читали, обсуждали, переписывали, посылали друзьям. Отбросив все традиционные представления о предмете и границах поэзии, Некрасов писал о темном дельце, который нечистыми путями добыл свое богатство, прикрываясь маской добродетели ("Современная ода"); о маленьком человеке, задавленном "гнетущим трудом", - бедняке, перед которым "одна открыта торная дорога к кабаку" ("Пьяница"); о "падшей" женщине - жертве социальных условий, возвращенной к новой жизни ("Когда из мрака заблужденья"); об участии "мужика-вахлака", которому не суждено любить "дворянскую дочь" ("Огородник"); о безысходной доле крестьянской женщины ("Тройка").

В "Тройке" - снова дорога, снова ямщик. Но в центре стихотворения уже не рассказ ямщика о своей загубленной жизни, а мысли поэта о печальном будущем сельской красавицы, той самой, что, выйдя на дорогу, провожает взглядом бешеную тройку. Если в основе

стихотворения "В дороге" лежит все-таки исключительный случай - гибель деревенской девушки, воспитанной в господском доме, то героиня "Тройки", написанной годом позднее, уже олицетворяет самую обычную судьбу русской крестьянки; впрочем, в конечном счете эти судьбы во всем одинаковы?

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, - появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг...

Чтобы оценить значение этих "крестьянских" стихов Некрасова, надо вспомнить, что они появились раньше, чем "Записки охотника" Тургенева, "Антон Горемыка" Григоровича и другие произведения литературы 40-х годов о жизни крепостного крестьянства. "Тройка" ("Что ты жадно глядишь на дорогу...") стала одной из самых любимых народных песен. Жизненно правдивы, естественны оказались и ее сюжет, и ее напевная строка, которую теперь уже трудно читать по книге, настолько привычно она слилась с известной всем мелодией.

К числу лучших сочинений Некрасова 1845-1846 годов в кружке Белинского относили также "Колыбельную песню" и "Родину". Первая из них - острая сатира на николаевское чиновничество, язвительное обличение корыстолюбия и наживы. Перед нами портрет будущего чиновника - благонамеренного, насквозь лицемерного, привыкшего картинно гнуть спину и брать взятку, подхалима, ужом доползающего до "хорошего местечка". Финал его карьеры нарисован резко и с полной откровенностью:

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин
И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин...

Назвав свою "Колыбельную песню" подражанием Лермонтову, Некрасов чуть ли не демонстративно отталкивался от широко известного лермонтовского стихотворения. Он использовал интонацию и размер колыбельной песни с ее спокойным припевом "баюшки-баю" для того, чтобы воплотить свой замысел - рассказать о том, какое будущее ждет младенца (пока безвредного!), если он пойдет по стопам своего отца - чиновного грабителя и мошенника. Картина получилась довольно мрачная. И это сразу заметили те, в кого метил Некрасов. В реакционном лагере раздались вопли возмущения по поводу "Колыбельной песни", когда она появилась в печати.

В течение многих лет Некрасов не мог напечатать "Родину" - стихотворение, в котором поэт вынес суровый приговор "гнезду своих отцов" и - более того - возвысился до беспощадного осуждения помещного быта, дворянско-усадебного уклада вообще. Она появилась только в сборнике его стихов 1856 года под нейтральным заглавием "Старые хоромы" и с пояснением: "Из Ларры". Это значило, что свои выстраданные, кровью написанные строчки об отречении от помещного прошлого Некрасов вынужден был выдать за перевод с испанского. Только такой ценой он мог провести их через цензуру.

Но это было десять лет спустя. А тогда, в 1846 году, гневные стихи "Родины", проникнутые жгучей ненавистью к крепостничеству, распространялись в списках. По словам Панаева, Белинский выучил их наизусть, переписал и послал в Москву своим знакомым. За несколько лет до этого он точно так же встретил новые стихи Лермонтова - восторгался ими, переписывал, рассылал друзьям. Теперь же критик был увлечен Некрасовым; встречаясь с друзьями, он только и говорил о нем и о его стихах. Панаеву он сказал:

- А каков Некрасов-то! Ведь он обнаруживает глубокий поэтический талант. Сколько скорби и желчи в его стихе!

Тогда же Белинский познакомил с "Родиной" и ее автором Тургенева. В автобиографии Некрасова сохранился рассказ о том, как это произошло. Поэт сидел дома и работал. Вдруг прибегают от Белинского и просят прийти. Некрасов идет и встречается там Тургенева; ему двадцать восемь лет, он тоже поэт, еще малоизвестный. Некрасов читает ему "Родину", и Тургенев полностью разделяет мнение Белинского. Он заявляет, что ему нравятся "и мысли и стих", и сожалеет, что сам он так написать не может.

Именно с чтения "Родины" началось знакомство Некрасова с Тургеневым, вскоре перешедшее в тесную дружбу.

Как поэт нового времени, как пролагатель новых путей Некрасов уже в первые годы своей деятельности создал образцы лирики, далекой от привычных представлений в этой области. Направление его поэзии, ее темы и формы как нельзя лучше отвечали новым демократическим потребностям русского общества. Даже вечные темы любви и природы приобрели у него новый, глубоко современный характер, вобрали в себя черты реальной жизни, увиденной глазами разночинца и демократа.

Вдумаемся хотя бы в смысл стихотворения "Перед дождем". Это один из лучших образцов пейзажной лирики 40-х годов:

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегают холодок.

Полумрак на все ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И "пошел"! - привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит...

В современных комментариях к этому стихотворению мы читаем: "В закрытой таратайке со спущенным верхом жандармы перевозили в то время арестованных политических преступников". Так проясняется смысл небольшого стихотворения. Картина неуютного осеннего вечера с очень точно выписанными деталями пейзажа от строфы к строфе становится все более мрачной, и это как бы подготавливает читателя к неожиданному появлению в финале фигуры жандарма с нагайкой в руке.

В русской поэзии складывалось новое направление, вдохновлявшееся Белинским. Основные его черты - интерес к народу, к жизни угнетенного крестьянства, сочувствие городским низам, ненависть к крепостничеству - отвечали принципам натуральной школы, выдвинутым великим критиком. Некрасов явился наиболее талантливым поэтическим выразителем этой школы, душой нового направления. В его стихах нашли художественное воплощение новые проблемы русской демократической литературы, стоявшей на пороге своего расцвета. Ему удалось привлечь внимание к таким закоулкам и задворкам жизни, куда прежде не заглядывала поэзия. Он нашел своих героев среди городских бедняков и крестьян и смело ввел их в литературу.

* * *

В середине 40-х годов началась неутомимая деятельность Некрасова как издателя, как собирателя сил отечественной литературы, продолжавшаяся больше тридцати лет. Не только пером поэта он участвовал в развитии натуральной школы - не меньше он сделал для нее как составитель и редактор литературных сборников, а затем журнала "Современник".

Эта сторона деятельности Некрасова так же тесно связана с именем Белинского, который поддерживал и во многом направлял его издательские начинания.

Еще в 1843 году Некрасов составил и издал (вместе с Н. И. Куликовым) небольшой альманах в двух маленьких книжечках под названием "Статьки в стихах без картинок". Здесь были представлены всего три произведения: "Встреча старого 1842 года с новым 1843-м", сочинение в стихах Куликова, режиссера Александрийского театра, одного из близких театральных знакомых Некрасова; фантастическая сказка "Жизнь и люди" В. Р. Зотова, позднее довольно известного писателя и журналиста, и, наконец, стихотворный фельетон самого Некрасова - "Говоруна". Все эти сочинения носили юмористический характер и содержали элементы сатиры на современную действительность. Фельетон Некрасова, написанный в разговорной манере, выделялся своими литературными достоинствами - живым изображением городского быта. Герой фельетона чиновник Белопяткин - обыватель, взяточник и подхалим, энергично делающий карьеру. Реальное описание нравов столичной среды - основное достоинство "Говоруна", позволяющее отнести некрасовский фельетон к числу произведений, по типу близких к физиологическому очерку; этот жанр в то время уже приобретал значительную популярность.

Альманах не принес Некрасову больших доходов, но все же разошелся, что привело поэта к мысли продолжать начатое дело на более серьезных основаниях. Не прошло и года как Некрасов вместе с Белинским уже обдумывал план нового сборника, неизмеримо более зрелого и содержательного. По их замыслу, сборник должен был явиться чем-то вроде программного издания натуральной школы; к участию в нем предполагалось пригласить многих молодых, даже начинающих, писателей, в той или иной степени тяготеющих к новому литературному движению.

Белинский, загоревшийся мыслью о новом альманахе, был уверен, что Некрасов справится с нелегкой задачей. Помимо чисто организационных хлопот, ему предстояло преодолеть трудности цензурного порядка; самое же главное - путем искусного отбора материала он должен был придать будущей книге определенное идейное единство, необходимое для издания такого рода. Белинский был самого высокого мнения о деловых качествах Некрасова, о его упорстве и трудолюбии, и даже, как мы знаем из воспоминаний Панаева, "мучительно завидовал" его практицизму. Сам Белинский был вовсе лишен этого качества...

В самом начале 1845 года одна за другой вышли из печати две части нового альманаха. На обложке его значилось: "Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов под редакцией Н. Некрасова (с политипажамми)" {Политипаж - гравюра на дереве. Для иллюстрирования альманаха "Физиология Петербурга" Некрасов привлек лучших художников того времени: В. Тимма, Е. Коврыгина, Р. Жуковского, гравера Е. Вернадского.}. Первая часть открывалась обширным вступлением, которое было написано Белинским; критик говорил здесь о состоянии русской литературы и о задачах альманаха. Затем следовала его же большая статья "Петербург и Москва", а за нею целая серия "физиологических" очерков: "Петербургский дворник" В. И. Луганского (В. И. Даля), "Петербургские шарманщики" Д. В. Григоровича, "Петербургская сторона" Е. П. Гребенки. Книгу завершали "Петербургские углы" Некрасова, представлявшие собой главу из романа о Тростникове, напечатанную по цензурным причинам в измененной редакции.

Вторую часть альманаха также открывала статья Белинского, она называлась "Александрийский театр", вслед за нею шло стихотворение Некрасова "Чиновник", затем очерк А. Я. Кульчицкого "Омнибус", статья Белинского "Петербургская литература", очерки Григоровича "Лотерейный бал" и Панаева "Петербургский фельетонист".

Де все эти материалы равноценны. Но по своей тематике и основной устремленности все очерки и статьи, собранные Некрасовым, представляли собой нечто единое и продуманное; освещая с демократических позиций разные стороны петербургского быта (его "физиологию"), они как нельзя лучше отвечали задачам издания.

И характерно, что "крики озлобленья", какими реакционная печать встретила новый альманах Некрасова, были направлены против его содержания в целом. Но при этом "Северная пчела" сразу же выделила из состава альманаха наиболее значительные и острые его материалы. Особенным нападкам подверглись статьи Белинского (их было четыре!) и произведения Некрасова, тем, более что его имя было обозначено на обложке книги. Булгаринская газета попыталась высмеять самый факт выступления Некрасова в качестве редактора; "Никого не удивило бы, если б сборник статей русских литераторов издан был под редакцией) Греча, Булгарина, Полевого или другого известного писателя... но поистине удивительно, что г. Некрасов объявляет себя направителем дарования литераторов русских!.." ("Северная пчела", 1845, 17 октября, № 234.)

Резко отзываясь о "Петербургских углах" и сатире "Чиновник", газета называла Некрасова "питомцем новейшей школы, образованной г. Гоголем, школы, которая стыдится чувствительного, патетического, предпочитая сцены грязные, черные...". Некрасова обвиняли в том, что он рисует отвратительные картины и в них будто бы видит "торжество искусства". Правда, "Северная пчела" вынуждена была признать, что лица, изображенные Некрасовым в "Петербургских углах" - алчная хозяйка, забулдыга-дворовый, пьяная баба и прочие, - существуют в действительности, но, во-первых, это "неизбежные исключения в низшем слое человеческого общества", а во-вторых, - "должно ли рисовать подробно их жалкую жизнь, и особенно рисовать так, как рисует г. Некрасов...?" (Там же, № 236.)

Подверглась разносу в "Северной пчеле" и статья Белинского "Петербург и Москва". А со вступительной статьей того же автора полемизировал в журнале "Москвитянин" К. Аксаков.

Все эти выпады имели целью опорочить в глазах читающей публики альманах, встреченный ею с огромным интересом. Противникам натуральной школы с неотразимой убедительностью отвечал Белинский. Еще в майском номере "Отечественных записок" (1845) он напечатал рецензию на первую часть "Физиологии Петербурга", где дал краткую оценку помещенных в ней материалов и привел большие выдержки из них. С особенной похвалой он отозвался о Некрасове. "Петербургские углы" г. Некрасова, - писал критик, - отличаются необыкновенною наблюдательностью и необыкновенным мастерством изложения. Это живая картина особого мира жизни, который не всем известен, но тем не менее существует, - картина, проникнутая мыслью".

Через три месяца, в августовском номере "Отечественных записок", Белинский вновь вернулся к "Физиологии Петербурга"; это был отклик на вторую часть альманаха. Прошло время, устоялась репутация нового издания, высказались его противники, и критик мог теперь еще более уверенно противопоставить им свою точку зрения? "... Это едва ли не лучший из всех альманахов, которые когда-либо издавались, - потому едва ли не лучший, что, во-первых, в нем есть статьи прекрасные и нет статей плохих, а, во-вторых, все статьи, из которых он состоит, образуют собой нечто целое, несмотря на то, что они писаны разными лицами".

По мнению Белинского, очерки "Петербургский дворник" и "Петербургские углы" могли бы украсить собою любое издание, а "Петербургские шарманщики" не испортили бы никакого издания. Критик снова дал отповедь "Северной пчеле". Высмеяв претензии булгаринской газеты на "аристократизм", Белинский язвительно заметил, что "истинный аристократ не презирает в искусстве и литературе изображения людей низших сословий и вообще так называемой низкой природы, - чему доказательством картинные галереи вельмож, наполненные, между прочим, и картинами фламандской школы".

Некрасовскую сатиру "Чиновник" Белинский также решительно взял под защиту; почти полностью приведя ее в своей рецензии, он заявил, что "эта пьеса - одно из лучших произведений русской литературы 1845 года".

Успех "Физиологии Петербурга" (озлобление во враждебном лагере также было признаком успеха) побудил Некрасова продолжать свои издательские труды. Он задумал периодически выпускать юмористический сборник "Зубоскал" и начал было собирать для него материалы; в "Отечественных записках" уже появилось объявление о новом издании, где читателям обещали "совершенно невинный, простодушный, беззаботный, ребяческий смех над всем, над всем". Но цензура не оценила этих невинных намерений и запретила сборник.

Упорный и находчивый, Некрасов использовал собранные материалы и приготовил вместо "Зубоскала" новый альманах. Он вышел в конце марта 1846 года под названием "Первое апреля". В подзаголовке пояснялось: "Комический иллюстрированный альманах, составленный из рассказов в стихах и прозе, достопримечательных писем, куплетов, пародий, анекдотов и пуфов". Но в книге были не только пародии и шутки - между ними было запрячено, например, такое стихотворение, как "Перед дождем" (о нем говорилось выше), полное глубокого смысла и, казалось бы, не вполне уместное в "комическом иллюстрированном альманахе".

Бросается в глаза полемическая направленность нового некрасовского издания. Если "Физиология Петербурга" открывала перед читателем новые стороны жизни и привлекала его внимание к социальным вопросам, то участники сборника "Первое апреля" высмеивали и вышучивали ретроградов, противников всего нового в литературе. Сатира некрасовского издания поддерживала натуральную школу, она осуждала тех, с кем давно уже вел неустанную борьбу Белинский. Осмеянию здесь подверглись и сторонники "официальной народности" (С. П. Шевырев и М. П. Погодин) и славянофилы (К. С. Аксаков).

Шевыреву Некрасов посвятил маленький сатирический рассказ "Пушкин и ящерицы", где фигурирует "профессор словесности, ... человек весьма ограниченный, презираемый своими слушателями, но очень много о себе думающий". Современники, вероятно, без особого труда угадывали, в кого метил автор. Неблаговидные поступки Погодина Некрасов разоблачил в "анекдоте", озаглавленном "Как один господин приобрел себе за бесценок дом в полтора ста тысяч".

Наконец весьма язвительная заметка "Славянофил" была направлена против одного из главных представителей этого течения - Константина Аксакова. Он имел обыкновение одеваться в "исконно русские" одежды, и Некрасов использовал эту его слабость, тем самым как бы отплатив Аксакову за его нападки на "Физиологию Петербурга" в "Москвитянине". В заметке говорилось: "Один славянофил, то есть человек, видящий национальность в охабнях, мурмолах, лаптях и редьке и думающий, что, одеваясь в европейскую одежду, нельзя в то же время остаться русским, нарядился в красную шелковую рубаху с косым воротом, в сапоги с кисточками, в терлик и мурмолку и пошел в таком наряде показывать себя по городу. На повороте из одной улицы в другую обогнал он двух баб и услышал следующий разговор. "Вона! Вона! Гляди-ко, матка! - сказала одна из них, осмотрев его с диким любопытством, - глядь-ка, как нарядился! Должно быть, настранец какой-нибудь!"

В небольшой и, казалось бы, непритязательной заметке ("анекдоте") Некрасов точно указал уязвимые стороны лидеров славянофильства - их оторванность от народа, чисто внешнее представление о национальных особенностях. Тем самым Некрасов поддержал борьбу Белинского против славянофилов.

Особенно досталось в альманахе Булгарину. Некрасов напечатал здесь эпиграмму "Он у нас осьмое чудо", в которой, между прочим, были такие строки:

... Он с французом - за француза,
С поляком - он сам поляк,
Он с татариним - татарин,
Он с евреем - сам еврей,
Он с лакеем - важный барин,
С важным барином - лакей.
Кто же он?
.

Что же скрывается за этими точками? Позднейшее предание расшифровывало их по-разному. Сохранилось несколько вариантов окончания эпиграммы. В архиве Пушкинского дома есть экземпляр сборника "Первое апреля", на полях которого историк литературы П. А. Ефремов (очевидно, со слов современников) записал такой, например, вариант:

Кто же он? Подлец Булгарин
Венедиктович Фаддей.

После выхода альманаха "Первое апреля" Нестор Кукольник напечатал в своем журнале "Иллюстрация" злую рецензию, в которой назвал альманах "книгой для лакейских". Белинский же немедленно откликнулся на появление альманаха рецензией в "Отечественных записках", где полностью привел некрасовские рассказы о Шевыреве и Погодине, анекдот о славянофиле, процитировал эпиграмму на Булгарина.

Этот прием рецензента не остался незамеченным: Вскоре после, выхода апрельской книжки журнала председатель Московского цензурного комитета Голохвастов с возмущением писал "по начальству": "Журнал постарался напечатать в 4000 своих экземплярах выдержки из этого альманаха и среди прочих пасквиль на Шевырева, пасквиль на Погодина и оскорбительного содержания стихи на Булгарина".

* * *

Одновременно с "Первым апреля" Некрасов, невзирая на цензурные гонения, при участии Белинского деятельно готовил другой альманах, на этот раз большой и серьезный; он получил скромное название "Петербургский сборник". Некрасов возлагал на него большие надежды. Он решил привлечь к делу лучших тогдашних литераторов.

Заручившись обещаниями нескольких авторов и даже получив часть рукописей, Некрасов начал размышлять о том, как лучше всего преодолеть цензурные трудности. Эта сторона дела требовала немало усилий - терпения, настойчивости.

Некрасов решил обратиться за помощью к профессору А. В. Никитенко. 7 июня 1845 года он отправил ему следующее письмо: "Милостивый государь Александр Васильевич! К 1846 году я собираю альманах, в котором примут участие Панаев, Белинский, А. Майков, Тургенев, Огарев и другие. Вы ко мне добры, и это дает мне смелость просить Вас взять на себя цензуру этого альманаха. К тем статьям, которые уже у Вас, препровождаю поэму Тургенева "Помещик" и роман г. Достоевского "Бедные люди" (роман - чрезвычайно замечательный, как Вы увидите, прочитав эту рукопись). Покорнейше Вас прошу просмотреть эти рукописи (хоть к сентябрю месяцу, ради бога!) и отдать Белинскому..."

Такую просьбу - взять на себя цензуру будущего альманаха - Некрасов, надо думать, не случайно обратил к профессору Петербургского университета, доктору философии и литератору Никитенко: он отлично знал, что тот пользуется авторитетом в цензурном ведомстве и в то же время имеет репутацию человека либеральных взглядов, трезвого и осмотрительного.

Не ограничившись этим, дальновидный Некрасов решил привлечь Никитенко к прямому участию в сборнике: предложил ему поместить в альманахе статью учено-литературного характера, и Никитенко заинтересовался таким предложением.

Некрасов продолжал собирать рукописи. Он приготовил для альманаха несколько своих стихотворений, заручился согласием Белинского дать большую статью о современной литературе, разослал письма многим писателям, приглашая их выступить на страницах сборника. Вот отрывки из немногих сохранившихся писем Некрасова этого времени:

Н. Х. Кетчеру (в Москву): "... Скажи ему [Герцену], чтоб он привез или прислал статью "Ум хорошо, а два лучше", адресуя на Белинского, и поскорей кончал другую начатую статью".

Ему же: "Кетчер, здравствуй!.. Пришли, пожалуйста, стихотворения Огарева, какие у тебя есть, - я напечатаю лучшее, посоветовавшись с Белинским; да только пришли тотчас по получении этого письма".

В. Ф. Одоевскому: "... Если повесть Ваша готова, то потрудитесь прислать ее с сим подателем или известить меня, когда за ней явиться". Тогда же, в разгар подготовки сборника, Некрасов отправился в Москву; из Москвы он ездил к Герцену, в подмосковное имение Соколово, где договорился с ним относительно статьи для сборника. Участием Герцена Некрасов особенно дорожил.

Для нового издания был приобретен роман молодого автора, никому еще не известного и не напечатанного ни строчки. Опубликование этого романа Некрасов справедливо считал своей заслугой, ибо вместе с ним в литературу вошел новый большой писатель. Речь идет о Федоре Достоевском и о "Бедных людях",

Вот как это случилось.

Однажды Григорович, зная о подготовке альманаха, принес Некрасову рукопись от своего знакомого, который не имел литературных связей и не знал, что делать с только что законченным романом. Решили прочесть несколько страниц "на пробу", но увлеклись и, не отрываясь, просидели всю ночь, пока не прочли всю рукопись.

"Читал я, - вспоминает Григорович. - На последней странице, когда старик Деушкин прощается с Варенькой, я не мог больше владеть собой и начал всхлипывать; я украдкой взглянул на Некрасова: по лицу у него также текли слезы. Я стал горячо убеждать его в том, что хорошего дела никогда не надо откладывать, что следует сейчас же отправиться к Достоевскому, несмотря на позднее время (было около четырех часов утра)..."

Некрасов быстро оделся, и они отправились. Стояла белая петербургская ночь, было светло как днем, и Достоевский, недавно вернувшийся от одного из своих друзей, еще не спал. Тем не менее столь поздний звонок удивил его. А когда Григорович и вовсе незнакомый ему Некрасов вдруг бросились его обнимать, чуть ли не плача, тогда Достоевский смутился, побледнел и долго не мог ответить ни слова на то, что говорил ему Некрасов.

"Они пробыли у меня тогда с полчаса, - рассказывает Достоевский в "Дневнике писателя", - в полчаса мы бог знает сколько переговорили, с полуслова понимая друг друга, с восклицаниями, торопясь: говорили о поэзии, и о правде, и о тогдашнем положении, разумеется, и о Гоголе, цитируя из "Ревизора" и из "Мертвых душ", но главное - о Белинском".

- Я ему сегодня же снесу вашу повесть, и вы увидите, - восторженно говорил Некрасов, тряся счастливого автора обеими руками за плечи, - вот вы познакомитесь, увидите, какая это душа, какой человек!

Они ушли, сказав: "Ну теперь спите, а завтра к нам". "Точно я мог заснуть после них!" - добавляет Достоевский.

Через несколько часов Некрасов уже шел к Белинскому с "Бедными людьми" в руках.

- Новый Гоголь явился! - закричал он, входя в кабинет.

- У вас Гоголи-то как грибы растут, - строго ответил Белинский, беря рукопись.

Когда вечером Некрасов снова зашел к Белинскому, тот встретил его в большом волнении и сказал:

- Приведите, приведите его скорее!

В самом начале 1846 года "Петербургский сборник" вышел из печати. Новый Некрасовский альманах явно продолжал традиции "Физиологии Петербурга". И в то же время он показывал, что натуральная школа вовсе не сводится только к "физиологическому очерку", что она находится в движении, в развитии. С выходом нового альманаха выяснилось, что гоголевская школа пополнилась новыми именами, новыми деятелями; они обогатили литературу новыми жанрами, и оказалось, что физиологический очерк был лишь первым этапом в развитии натуральной школы.

Содержание "Петербургского сборника" отличалось большим разнообразием. Книгу открывал роман Достоевского "Бедные люди" - блестящий дебют молодого автора ("Так еще никто не начинал из русских писателей", - заметил Белинский). Затем следовали рассказ в стихах Тургенева "Помещик" в сопровождении превосходных рисунков А. Агина и большая публицистическая статья Герцена (Искандера) "Капризы и раздумье", в которой автор критиковал "частную жизнь" и лживую мораль современного общества. Потом читателю предлагались очерковые заметки Панаева "Парижские увеселения", украшенные иллюстрациями из французских изданий. Видное место заняла в сборнике трагедия Шекспира "Макбет" в переводе А. И. Кронеберга, этот перевод Белинский назвал классическим, достойным подлинника.

Вслед за повестью В. Ф. Одоевского "Мартингал" и поэмой А. Н. Майкова "Машенька" шла повесть Тургенева "Три портрета", а за ней - статья Никитенко "О характере народности в древнем и новейшем искусстве", положительно оцененная Белинским. Обширный раздел поэзии был представлен переводами Тургенева из Байрона и Гёте, двумя стихотворениями Майкова, четырьмя стихотворениями Некрасова ("В дороге", "Пьяница", "Отрадно видеть...", "Колыбельная песня") и, наконец, стихотворением В. А. Соллогуба "Мой autographe". Сборник заключала статья Белинского "Мысли и заметки о русской литературе".

Несмотря на то, что Некрасову удалось склонить Никитенко в свою пользу, книга все-таки с трудом проходила через цензуру. Оказалось, что Никитенко не считал возможным взять на себя единоличное решение вопроса о судьбе книги, и ее подписали к выпуску в свет (12 января 1846 года) еще два цензора - редкий случай в цензурной практике! Общими усилиями они сократили многие материалы. Немало строк было вычеркнуто из тургеневского "Помещика", из поэмы Майкова "Машенька". В стихотворении Некрасова "Отрадно видеть..." вместо строк

... Что ты, подлец, меня гнетущий,
Сам лижешь руки подлецу, -

появились две строки точек, почти бессмысливших это сильное стихотворение. Некрасовская "Колыбельная песня" вызвала возмущенные отклики в печати. В журнале "Современник", который издавал тогда П. А. Плетнев, Некрасов прочитал статью самого издателя, раздраженно восклицавшего: "Мы желали бы знать, для кого все это печатается! Ужели есть жалкие читатели, которым понравится собрание столь грязных исчадий праздности?" Плетневу вторил Шевырев в "Москвитянине", Шевыреву - Булгарин в "Северной пчеле".

Но на этом дело не кончилось: "предосудительность" содержания "Колыбельной песни" привлекла к себе внимание правительства. Не прошло и месяца после выхода альманаха, как граф А. Ф. Орлов, начальник Третьего отделения, обратился к министру народного просвещения со специальным письмом, в котором говорилось: "В изданном г. Некрасовым "Петербургском сборнике", на стр. 510 напечатано стихотворение под заглавием "Колыбельная песня". Долгом себе поставляю обратить просвещенное внимание Вашего Высокопревосходительства на это стихотворение, полагая, со своей стороны, что сочинения подобного рода, по предосудительному содержанию своему, не должны бы одобряться к печатанию..."

Министр просвещения для начала распорядился объявить выговор цензору, разрешившему к печати "Колыбельную песню".

В мемуарной литературе есть сведения, что в это же время Некрасова вызвал к себе генерал-лейтенант Л. В. Дубельт, управляющий Третьим отделением, и грубо накричал на него: как он смеет в своих стихах нападать на чиновников и дворян?

В читательских кругах некрасовский сборник был встречен с большим интересом. В книжных лавках его расхватывали. Он поступил в продажу 21 января, а в конце месяца Белинский сообщал Герцену, что за несколько дней - с 21 по 25 января - было продано больше двухсот экземпляров. Эта цифра по тому времени может считаться исключительной. По словам А. Я. Панаевой, Некрасов высказывал сожаление, что "струсил" и не напечатал на полторы тысячи экземпляров больше.

В одном из писем Герцену Белинский (6 февраля 1846 года) подвел итог этому читательскому спросу на альманах: "Только три книги на Руси шли так страшно: "Мертвые души", "Тарантас" и "Петербургский сборник". В статье, посвященной альманаху, критик отдал ему должное и прежде всего разобрал роман "Бедные люди". Он показал, какой страшный мир нищеты, несчастий, страданий, унижений нарисован в этом романе, какой душевной болью пронизаны его страницы.

Художественное направление, с которым Белинский связывал свои надежды на будущее русской литературы, развивалось и крепло, к нему примыкали все новые имена, и в этом был залог его жизненности и внутренней силы. Вот почему критик был так взволнован появлением Достоевского; прочитав его первую повесть, он писал: "Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах и говорит о них обитателям раззолоченных палат: "Ведь это тоже люди, ваши братья!"

О музе Некрасова можно было бы сказать теми же словами, и Белинский не прошел мимо четырех его стихотворений, опубликованных в "Петербургском сборнике". Как уже говорилось, он указал, что они проникнуты мыслью и что в* них много дельного и современного. Это и было высшей похвалой в устах Белинского. Если стихи Некрасова заслужили такую оценку, значит, они отвечали самым высоким требованиям, какие предъявлял критик к современной поэзии.